

Иновация старинного: проблема новой филологии, связь языка и литературы, диахронии и синхронии в процессе обучения русскому языку и литературе¹

The Innovation of the Old: The Problem of the
New Philology, the Connection of Language and
Literature, Diachrony and Synchrony in the Process
of Teaching Russian Language and Literature

Ivo Pospíšil

Посвящая деятельности и памяти Николая Алексеевича Панькова (26 марта 1956, Тайга, Кемеровская область – 19 сентября 2014, Немчиновка, Московская область) – литературоведа, кандидата филологических наук, доцента, учредителя и редактора бахтиноведческого журнала «Диалог. Карнавал. Хронотоп» (Витебск/Вицебск), в редколлегии которого работала и французский литературовед и теоретик романа болгарского происхождения Юлия Кристева, сыгравшая важную роль в том, чтобы Бахтин стал всемирным явлением.

¹ Text vznikl jako výstup projektu specifického výzkumu na PdF UHK *Umělecká literatura v kontextu výuky ruského jazyka v českých školách.*

Абстракт:

Автор настоящей статьи анализирует и комментирует проект новой филологии, который состоит из нескольких проблемных слоев (роль церковнославянского языка в образовании современного русского и связанная с этим проблематика религиозной образности в современном языке и литературе и в художественной литературе как языкообразующем и стилиеобразующем факторе). Ключевой проблемой является применение этих проблемных слоев в обучении языку через художественную литературу. В связи с этим автор упоминает некоторые литературоведческие методы, в том числе генеративную грамматику (Хомский/Чомски) или потенциализм, которые из области лингвистики перешли еще в прошлом в сферу литературоведения. Результатом этих рефлексий мог бы быть новый пересмотр теперешних учебных программ обучения русскому языку и литературе и усиления – и в названиях отдельных предметов – их взаимной и обратной связи (feedback), чему могут служить в особенности некоторые предметы, в которых взаимопроникновение обеих дисциплин явно, т. е., например, стилистика как таковая, всемирная литература, курсы древней письменности.

Abstract:

The author of the present contribution analyses the project of the New Philology which consists of several problem layers (the role of Old Church Slavonic in the formation of contemporary Russian and the linked problem of religious imagery and belles lettres as a language and style formation factor) and comments upon it. The key problem is associated with the application of these problem layers in teaching language and literature. In connection with this the author mentions some methods of literary criticism, including generative grammar (N. Chomsky) or potentialism which already in the past transferred from the sphere of linguistics to literary criticism. The results of these reflections could represent the new revision of contemporary teaching programmes of Russian language and literature and the strengthening – also in the names of individual subjects – of their mutual relations and feedbacks which might be especially supported by a few subjects in which the mutual permeation of both disciplines is obvious, i. e., for example, stylistics as such, world literature, the course in old (medieval) literature.

Ключевые слова:

Новая филология, проблемные области, роль церковнославянского языка в образовании современного русского, религиозная образность в современном языке и литературе, художественная литература как языкообразующий и стилиобразующий фактор, пересмотр учебных программ

Key Words:

New Philology, problem spheres, the role of Old Church Slavonic in the formation of contemporary Russian, religious imagery in contemporary language and literature, belles lettres as a language and style formation factor, the revision of teaching programmes

О необходимости формулировки новой связи лингвистики и литературоведения писали в недавнем прошлом не раз. В нескольких статьях и в одном тематологическом блоке, который я организовал в словацком журнале *Philologia* было указано на неизбежность так называемой „новой филологии“ как своего рода возобновления теснейшей связи языка и его текстовых продуктов, синхронии и диахронии, причем последняя сейчас частично недооценивается, в процессе обучения русскому языку и в рамках университетской русистики. Весь, так сказать, проект новой филологии состоит из нескольких проблемных слоев. Речь идет, например, о роли церковнославянского языка в образовании современного русского, о связанной с этим проблематике религиозной образности в современном языке и литературе и о художественной литературе как языкообразующем и стилиобразующем факторе. И, разумеется, ключевым вопросом является применение этих проблемных слоев в обучении языку через художественную литературу.

Возвращение к старинному значит новое переплетение исследования языка и литературы, т. е. лингвистики, языкознания и литературоведения, которое было полузабыто на протяжении десятилетий, когда обе дисциплины отдалялись друг от друга в зависимости от метододогической дивергенции, хотя некоторые методы или методологические конгломераты, в том числе имманентные, были основаны,

как раз наоборот, на их сцеплении. Частичным доказательством является не только Пражский лингвистический кружок, членом которого были и видные литературоведы, но и, например, копенгагенская глоссематическая школа или более поздний французский послевоенный структурализм, если не принимать во внимание интегративные феномены в межвоенных и послевоенных произведениях этнографа Клода Леви-Стросса (1908–2009). Имманентные методы, с одной стороны, поддерживают конвергенцию обеих дисциплин, с другой, углубляют их дивергенцию путем применения гетерогенных методов, в случае лингвистики, прежде всего, математических, статистических и генеративных или же трансформационных. Литературоведение приблизительно в то же самое время тяготело скорее к социологическим и психологическим подходам, хотя, как известно, за эти методологические грехи, например, исключали по уставу общества из Пражского лингвистического кружка, главным образом, за грех так называемого психологизма. И в случае имманентных методов, которые преобладали в филологии как таковой до половины 20 века, в некоторых странах и дольше, началось применение подходов, в начале которых была лингвистика, в том числе, с 60-х гг. 20 века, например, компьютерное генерирование текстов и т. д. Прошлое славистики засвидетельствовало целый ряд произведений комплексно филологического содержания, в особенности в 19 веке, в том числе известный труд Павла Йосефа Шафаржика *Die Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten* и позже работы выдающегося словенского филолога Матия Мурко.

Это была одна из последних попыток связать в творчестве одного ученого воедино эти две дисциплины и использовать их в целях обучения языку через художественную литературу. Одним из источников нового переплетения обеих дисциплин является возвращение к прошлому, хотя в древности говорили, что не войдешь два раза в ту же самую реку: с одной стороны это можно понимать как чистейшую утопию, с другой – как новое изучение древних периодов развития литературы, т. е. в случае славянских литератур – медиэвистики, так

как в средневековых текстах связь языка и литературы намного вразумительнее. Хотя утверждается, что филолог не может овладеть всеми существенными лингвистическими и литературоведческими концепциями и с этим связанными научными исследованиями, монографиями и отдельными статьями, ему предстоит задача пытаться освоить хотя бы часть этих знаний: филология была всегда дисциплиной немного утопической, трансцендентной, не достигающей своих целей из-за массы текстового материала. Сейчас эта нередко наблюдаемая резигнация связана с недооценкой предметных знаний, которые зачастую считаются слишком механическими, и, как говорится, их можно найти в разных источниках, благодаря новым технологиям, но все мы знаем, что это не так, даже несмотря на использование искусственного интеллекта/AI. Поэтому я не так уж скептичен по отношению к так называемой новой филологии, которую можно считать сравнительно новым этапом в развитии наук, любящих слово.

Многое изменилось и это необратимо; произошло отдаление, парциализация, дисперсия, дезинтеграция, но и новое сближение. Именно взаимный контакт приводит к новым прикосновениям обеих частей бывшей старой филологии, что опять наблюдается в цепях рефлексий и саморефлексий, во встречном противодвижении, сказано словами Александра Веселовского, к телеологическим сдвигам без надобности утрачивать старые, будто бы отжившие позитивистские навыки. Новая филология будет, кажется, формироваться, не только на базисе теории, но, главным образом, в практическом исследовании, в сближении обеих сфер, к которым присоединяется культурно-ареальная точка зрения; именно это проступание приводит к побочной пользе, новому качеству знаний, не ограничиваемым, одновременно, гетерогенностью обеих дисциплин и их методов, что объективно дано тем, что язык – это строительный материал литературы. Литература или же художественный текст – орудие формирования языка в качестве обратной связи, feedback, предполагает перманентные инновативные процессы. Одним из препятствий, связанных с давлением раньше доминирующих функциональных, синхронных, имманентных

методов в процессе формирования новой филологии, является прочное и постоянное обращение к настоящему, новому, возможно и будущему, и отклонение, даже отвращение к прошлому, к диахронии.

В последние десятилетия в рамках литературоведения усматриваются перманентные попытки использовать методы, раньше применяемые лишь в языкознании. В качестве примеров привожу так называемый потенциализм, начало которого восходит к 70-м гг. 20 века (оно связано с немецким теоретиком литературы и историком Вальтером Фалком), и когнитивизм, который, несмотря на его возникновение на почве философии и психологии, применяется, как нам известно, достаточно широко в лингвистике и в последнее время и в литературоведении.

Вальтер Фалк в своих книгах решал проблемы исследования эпох (Epochenforschung) сначала на материале египетской истории (можно сравнить, например, с идеями чешского египтолога Мирослава Барты). Фалк пришел к выводу о необходимости связи между конкретным анализом компонентов – т. е., прежде всего, языковых – литературного артефакта (Komponentenanalyse) и так называемым стилем эпохи, следовательно, и с потенциальными слоями художественных произведений (Falk 1976; Bárta, Kovář 2013, 2014). Интересно то, что эти черты его метода обнаруживают точки соприкосновения с тезисами бывшего исследовательского коллектива искусствоведа Савы Шабоука в 70–80-е гг. 20 века, именно в термине предположительные или предпосылочные слои (Šabouk 1977), которые мобилизованы именно в связи с меняющейся атмосферой культурной эпохи и цивилизации.

В 60-е и 70-е гг. 20 века в качестве особого применения идей Ноама Чомского 50-х гг. 20 века модной стала генеративная или же трансформационная грамматика или, уже синтаксис (Chomsky 1966a, 1966b, 1970). Совсем недавно я выслушал доклад, не скажу, при каких обстоятельствах, в котором утверждалось, что якобы в 90-е гг. 20 века автору удалось убедить англичан и американцев, что генеративная грамматика применима и к славянским языкам, чему они раньше не верили. Я удивился, так как известный лингвист Роман

Мразек (1920–1989) обучал нас посредством концепции Чомского еще в начале 70-х гг. прошлого столетия; отдельные элементы этого метода встречаются и в его более поздних произведениях (Mrázek 1988, 1990, 2013). Обнаруживается опасность, что мы будем принимать за новаторские подходы уже давно открытую Америку.

Немного иначе обстоит дело с когнитивизмом, который, как известно, стартует, так сказать, в области психологии, и его методология постепенно распространяется в другие области познания с фоном, понимается, в философии. Когнитивная лингвистика исследует проблемы связи языка в концептуализации и категоризации мира, связь когнитивных, познавательных, эпистемологических потенциалов с языком, который представляется как средство доступа к мыслительным процессам. Всеобщее известно, что у колыбели этой методологии стоят психологические методы в языкознании, позже примененные в литературоведении так называемой русской психологической школой, к примеру, в творчестве Александра Афанасьевича Потебни (Pospíšil 2013a, 2013b, 1989–1990, 2001), у которого, однако, были предшественники в более мягких методах исследования языка и литературы. В литературоведении наблюдается скорее гетерогенность применения этих принципов, что частично доказывает и сборник литературоведческих работ, в которых использовались метод когнитивизма, изданный в 2014 г. в Словакии (Kuzmíková 2014, Pospíšil 2016). Некоторые статьи показали шансы этого подхода, например, в исследовании метафоры и тропов вообще в связи с биологическими и неврологическими детерминантами художественного мышления (Pospíšil 2020, 2023, Jiráček 1992, 2007, 2008, 2009, 2020).

Методологические сдвиги представляют собой один пласт в процессе образования новой филологии, т. е. нового синтеза, своего обогащенного возврата к старинной модели филологии, однако на новой, модернизированной основе, учитывающей последующее развитие обеих дисциплин на протяжении более чем 150 лет. Другие слои связаны с тематическими целыми, как упоминалось в начале. Речь идет прежде всего о том, как в рамках обучения русскому языку и литературе использовать эти сдвиги методов и подходов.

В сфере русского языка и литературы речь идет о настоящей структуре и организации обучения, т. е. о состоянии учебных программ, по-моему, о явном ослаблении связности, преемственности, непрерывности обучения, в котором последующее должно вытекать из предыдущего. Теперешняя мозаика знаний, в которой зачастую главную роль играет сам объект обучения, не способствует эффективности образовательного процесса, и выпускник такой филологии хуже понимает сущность и функциональность языка, парадоксально хуже ориентируется в глубинных структурах языка, усваивая лишь его механическую поверхность, возможно за исключением транслатологии, в рамках которой ему придется на фоне сравнения двух языковых систем дойти до более глубокого познания обоих языков.

Один пласт, как уже приводится в начале, представляет собой церковнославянский или старославянский язык как структурная основа современного русского языка и его разновидностей, которые до сих пор образуют суть русской литературы. В рамках современных учебных программ больше внимания уделяется изучению старославянского в рамках богемистики, чем русистики, хотя для чешского языка это скорее символ или выражение пietetа (Hospodine, pomiluj pu), чем практическое орудие познания языковых процессов чешского языка. Если старославянский вообще присутствует в учебной программе, то обычно без связности, скорее в последних семестрах, так как он считается трудным предметом, но его надо поместить в самом начале, так как он может служить ключом к более глубокому проникновению в структуру языка не только в теории, но и на практике.

Второй пласт, упомянутый раньше, это знание библейских текстов как основы не только средневековой литературы, т. е. древней или же старинной письменности восточных славян, но и русской литературы в целом, в силу никогда не завершенной секуляризации и так называемого постсекуляризма.

Третьей проблемой является дефицит раньше утрированного предпочтения художественной литературы как средства практического обучения языка. Сама собой разумеется взаимная связь языка как материала литературы и литературы как орудия преобразования

языка, но это используется на практике меньше, чем необходимо. С одной стороны, следует больше заниматься художественной литературой не только на курсах художественного перевода, теории перевода и транслатологии, но и в контексте разных лингвистических дисциплин. С другой стороны, в рамках литературоведческих дисциплин необходимо уделять больше внимания языковым структурам, что, в связи с предпочтением разных трансценденций, главным образом, по отношению к социальным наукам, зачастую недооценивается.

Результатом этих размышлений и рефлексий мог бы быть новый пересмотр современных учебных программ обучения русскому языку и литературе и усиления – и в названиях отдельных предметов – их взаимной и обратной связи (feedback), чему могут служить в особенности некоторые предметы, в которых взаимопроникновение обеих дисциплин явно, т. е., например, стилистика как таковая, всемирная литература, курсы древней литературы, если они в программах вообще есть, проблематика современной, в особенности постмодернистской литературы, и интертекстуальность, о которых я неоднократно писал как о подходящих орудиях более глубокого проникновения в структуры языка, что способствует и их практическому овладению (Pospíšil 2002, 2003, 2008, 2009, 2011). Однако я не уверен, что для этого будет достаточно воли и вдохновения.

Литература:

- Bárta, Miroslav, a Martin Kovář. 2013, 2014. *Civilizace a dějiny*. Praha: Academia.
- Falk, Walter. 1976. *Vom Strukturalismus zum Potentialismus. Ein Versuch der Geschichts- und Literaturtheorie*. München – Freiburg: Karl Albert.
- Chomsky, Noam. 1966a. *Syntactic Structures*. Paris: Mouton.
- Chomsky, Noam. 1966b. *Syntaktické struktury. Logický základ teorie jazyka: o pojmu „gramatické pravidlo“*. Praha: Academia.

- Chomsky, Noam. 1970. *Aspects of the Theory of Syntax*. Cambridge: M. I. T.
- Jiráček, Pavel. 1992. *Příspěvek k emotivní sémiotice českého verše*. Brno: Masarykova univerzita.
- Jiráček, Pavel. 2007. *Lyrický rytmus: o spojení zvuku a smyslu ve verši*. Brno: HOST.
- Jiráček, Pavel. 2008. *Význam a subjektivita v lyrice: kognitivní struktury v lyrické představě*. Brno: HOST.
- Jiráček, Pavel. 2009. *Kognitivní interpretace českého verše v rytmických souvislostech metrické teorie Miroslava Červenky*. Brno: HOST.
- Jiráček, Pavel. 2020. *Od slov k lyrickému vědomí*. Brno: Středoevropské centrum slovanských studií.
- Kuzmíková, Jana, ed. 2014. *Literatúra v kognitívnych súvislostiach*. Bratislava: Ústav slovenskej literatúry SAV.
- Mrázek, Roman. 1990. *Sravnitel'nyj sintaksis slavjanskich literaturnych jazykov; ischodnyje struktury prostogo predloženija*. Brno: Univerzita J. E. Purkyně.
- Mrázek, Roman, a Galina Vladimirovna Popova. 1982, 1988. *Historický vývoj ruštiny*. Praha: SPN.
- Mrázek, Roman, a Galina Vladimirovna Popova. 2013. *Historický vývoj ruštiny*. Edičně připravil Aleš Brandner. Brno: Tribun EU.
- Pospíšil, Ivo. 1989–1990. „Syntetická metodologie Apollona Grigorjeva.“ *Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. D, Řada literárněvědná* 38–39, č. D36–37: 57–66.
- Pospíšil, Ivo. 2001. „Stydlivost' tvorby (Apollon Grigorjev, kreativní autoreflexe a vývojové vplývání ruské literatury).“ In *Litteraria Humanitas IX, Cesta k duši díla – Miroslav Mikulášek*. 31–9. Brno: Masarykova univerzita.
- Pospíšil, Ivo. 2002. „Žánrová struktura a emblematicnost apokalyptického románu Jurije Bondareva Bermudský trojúhelník a souvislosti.“ *Slavica Litteraria*, č. X 5: 53–62.
- Pospíšil, Ivo. 2003. „Jazyk literárního díla jako axiologický nástroj: román Jurije Bondareva Bermudský trojúhelník (K životnímu jubileu prof. Jána Doruly).“ In *Život slova v dejinách a jazykových vzťahoch*.

- Na sedemdesiatiny profesora Jána Doruľu*, ed. Peter Žeňuch, 265–78. Bratislava: Slavistický kabinet SAV.
- Pospíšil, Ivo. 2008. „Diachronní dimenze ruského literárního textu (Puškin – Bondarev – Grjakalov).“ In *Text a kontext*, eds. Květuše Lepilová a kol., 86–107. Brno – Ostrava: Repronis.
- Pospíšil, Ivo. 2009. „Revitalizace v ruské a české literatuře: dvě cesty.“ In *Revitalizácia kultúrnej tradície v literatúre. Vedecký zborník*, eds. Marta Kerulová a Silvia Lauková, 9–21. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, Filozofická fakulta, Katedra slovenskej literatúry.
- Pospíšil, Ivo. 2011. „Znovu k problému diachronní hloubky literárního textu.“ In *Jazyk a komunikácia v súvislostiach III*, ed. Oľga Orgoňová, 11–9. Bratislava: Filozofická fakulta Univerzita Komenského, Katedra slovenského jazyka, Studia Academia Slovaca.
- Pospíšil, Ivo. 2013a. „Skvělý příspěvek ke komplexnímu studiu dědictví A. A. (O. O.) Potebni (Naukova spadšyna O. O. Potebni u slov'jans'komu kul'turnomu prostori. Īstorija slavistyky. Zbirnyk naukovych prac'. Red. T. V. Zarubenko, T. B. Lukinova, V. V. Lučyk, N. H. Ozerova, H. P. Pyvtorak, Ī. A. Synycja, V. H. Skljarenko, V. Ju. Frančuk. Īnstitut movoznavstva im. O. O. Potebni Nacional'noji Akademiji Nauk Ukrajiny, Kyjiv: Vydavnyčyj Īm Dmytra Burago, 2013.).“ *Novaja rusistika*, č. 2: 75–9.
- Pospíšil, Ivo. 2013b. „Vozvraščeniye k istokam (Razmyšleniya o nekotorych položenijach A. A. Potebni v černovyh zametkach o L. N. Tolstom i F. M. Dostojevskom.“ In *Naukova spadščyna O. O. Potebny u slov'jans'komu kul'turnomu prostori. Zbirnyk naukovych prac'*, 29–49. Kyjiv: Vydavnyčnyj Īm Dmytra Burago.
- Pospíšil, Ivo. 2016. „Heterogenní kognitivismus v literární vědě (*Literatúra v kognitívnych súvislostiach*. Ed. Jana Kuzmíková. Ústav slovenskej literatúry SAV, Bratislava 2014).“ *Proudy*, č. 2. https://www.phil.muni.cz/journal/proudy/filologie/recenze/2016/2/pospisil_heterogenni_kognitivismus_v_literarni_vede.php#articleBegin
- Pospíšil, Ivo. 2020. „Za Pavlem Jiráčkem (1955–1920).“ *Proudy*, č. 1. http://www.phil.muni.cz/journal/proudy/portrety/vzpominky/2020/1/pospisil_za_pavlem_jirackem.php#articleBegin

- Pospíšil, Ivo. 2023. „Several Selected Aspects of the Theory of Verse: Traditions and New Prospects (To the Memory of Pavel Jiráček).“ *Proudy*, č. 2. https://www.phil.muni.cz/journal/proudy/filologie/studie/2023/2/pospisl_several_selected_aspects_of_the_theory_of_verse.php#articleBegin
- Šabouk, Sáva a kol. 1977. *Krátký slovník koncepce pražského týmu pro studium vyjadřovacích a sdělovacích systémů umění*. Praha: ČSAV.

Prof. PhDr. Ivo Pospíšil, DrSc.
Katedra ruského jazyka a literatury
Pedagogická fakulta
Univerzita Hradec Králové
Rokitanského 62
500 03 Hradec Králové
Česká republika
ipospis@volny.cz